

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЗЫ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(РОМАНЫ Б. МОЖАЕВА «МУЖИКИ И БАБЫ» И В. БЕЛОВА «КАНУНЫ»)**

Как известно, путь развития жанра романа был сложным. На протяжении нескольких последних десятилетий XX века ведутся дискуссии о его кризисе. Некоторые исследователи утверждали, что неизбежен распад и кризис жанра. На наш взгляд, это спорное суждение. Ведь еще в 60-е годы XX века В. Кожин писал: «Роман может переживать периоды исканий, кризиса, отступления – как это и было не раз в его истории. Но в то же время роман слишком ценная и мощная форма искусства и человеческой культуры в целом, чтобы можно было вообще с ним расстаться» [1, 432]. Прав исследователь, утверждая: «Исходная природа жанра непрерывно развертывает скрытые возможности и обогащается; форма современного романа с крайне высокой степенью концентрации запечатлевает в себе весь долгий и сложный путь развития жанра. Именно в этом смысле можно сказать, что сегодняшний автор романа, овладев этой формой, тем самым становится на плечи многих поколений, усваивая не просто некую сумму приемов, но многовековой опыт художественного освоения мира, воплотившийся в жанровой форме романа» [1, 437].

Проблемы романного жанра поднимались и в 80-е годы XX века. Так, в статье Г. Белой «Перепутье» мысль о кризисе романа звучит со всей остротой [2]. Интерес представляет и мнение Е. Добренко, которое прозвучало в статье «Кризис романа»: «Должен произойти слишком сложный и глубокий сдвиг в общественном сознании, чтобы развитие, преодолев кризис, вышло на новый уровень, – прежний виток спирали уже исчерпан. Этот сдвиг связан с тем, что О. Мандельштам назвал «положением в данное время вопроса о судьбе личности в истории» – с переориентацией общественного сознания с колеи социоцентризма и мифотворческого мышления к ценностям общечеловеческим, гуманистическим. Этот поворот и будет означать выход из кризиса.

1.../ роман стоит на кризисной черте и впереди новый этап его развития. Кризис – не конец. Это процесс. Процесс обострения движущих сил и противоречий (его мы и переживаем уже не одно десятилетие – сейчас он достиг предельного рубежа). В конце этого процесса – начало новой ступени движения, нового пути» [3, 34].

В том, что это действительно так, можно убедиться, если мы обратимся к прозе о коллективизации. Именно в ней жанр романа-хроники успешно развивается, начиная еще с «Поднятой целины» М. Шолохова, написанной в 30-е годы и заканчивая созданными в последние десятилетия XX века романами «Кануны» В. Белова и «Мужики и бабы» Б. Можаяева.

Попытаемся выяснить специфику жанровой природы названных произведений.

Следует заметить, что роман-хроника как самостоятельный жанр не очень часто встречается в литературе 60–70-х годов XX века. И справочная литература, и учебная чаще всего обходили это определение, хотя в художественной практике такая разновидность существует. В этом и проявился разрыв теории и практики. Характерно и то, что в разговоре о конкретных произведениях в жанре романа-хроники критики и литературоведы чаще всего обходили теоретическую характеристику этого жанра. Так, С. Машинский, анализируя «Семейную хронику» С.Т. Аксакова, в большой вступительной статье полностью обошел этот вопрос, ограничившись лишь кратким замечанием [4, 432].

Однако попытки теоретически обосновать специфику интересующего нас жанра все же есть. В «Литературном энциклопедическом словаре» о жанре романа-хроники написано следующее: «... в хронике организующей силой сюжета предстает сам ход времени, которому подвластны действия и судьбы персонажей» [5, 487]. Этот ход времени воссоздается, в частности, в так называемом хроникальном сюжете. Хроникальность сюжета – средство воспроизведения

действительности в разноплановости и богатстве её проявлений. Хроникальное сюжетосложение позволяет писателю осваивать жизнь в пространстве и времени с максимальной свободой. Вот почему оно широко используется в эпических произведениях большой формы.

Следует подчеркнуть, что хроникальные сюжеты выполняют разные художественные функции. Во-первых, они могут представлять собой сочетания решительных, инициативных действий героев, поворотных событий, всевозможных приключений. Такие сюжеты называют авантюрными. Во-вторых, хроникальные сюжеты могут служить изображению социально-бытового уклада жизни и внутреннего мира персонажей. Такие сюжеты как бы обозревают внешне не связанные между собою события и факты, имеющие вместе с тем для главного героя глубокий внутренний смысл. «Литературе последних двух столетий свойственна прежде всего хроникальность духовного развития героев, их формирующегося самосознания» [6, 173].

Обращаясь к прозе о коллективизации, можно легко убедиться, что в романах преобладают сюжеты именно хроникальные. Как и «Поднятая целина» М. Шолохова, произведения более позднего периода – «Полесская хроника» И. Мележа, «Касьян Остудный» И. Акулова, «Мужики и бабы» Б. Можаяева, «Кануны» В. Белова, «Перелом» Н. Скромного – строго выдержаны в хроникальной манере. Исходя из этого, можно предположить, что есть какая-то общая причина, заставляющая писателей использовать один и тот же принцип сюжетосложения, одну и ту же жанровую форму. На наш взгляд, такая особенность обусловлена спецификой исторического видения писателями такого социально-политического явления, как коллективизация. Сущность этого видения как раз и заключалась в том, чтобы показать «великий перелом» как ход событий в соответствии с самой реальностью, с правдой истории, как движение от одного состояния русской деревни к другому – от её относительно стабильного существования к драматическому потрясению. Поэтому принцип хронологической последовательности повествования оказался неизбежным, поскольку всех авторов объединяло стремление показать, как, в каком порядке происходили события, буквально по дням менявшие жизнь взбудораженной деревни. И потому ход событий и «расчислен по календарю» (на хроникальность романного сюжета о коллективизации одной из первых в наши дни обратила внимание Л. Сараскина) [7].

Из всего сказанного становится ясно, почему именно жанр романа-хроники привлек и В. Белова, и Б. Можаяева для выражения главной идеи своих произведений. Так, в романе «Кануны» основным местом действия для изображения «необратимого и всеподчиняющего хода времени» является северная деревня конца 20-х годов XX века.

Деревня накануне революционных событий «великого перелома», которые разрушат веками устоявшийся быт, изменят весь смысл прошлой жизни крестьянина. Жанр романа-хроники, избранный В. Беловым, позволяет беспристрастно, близко к фактам реальной жизни, воссоздавая подлинный дух времени, проследить социальное устройство деревенской жизни, характер, психологию, нравственную суть северного крестьянина.

На наш взгляд, В. Белов стремился показать контраст между мирным течением жизни в начале произведения и бурной, словно взорванной жизнью, которая придет после.

Сюжет и композиция романа «Кануны» полностью выдержаны в жанре романа-хроники. Неторопливо, одна за другой сменяются сцены крестьянской жизни. Повествование лишено динамики, спокойно следует за фактами, не углубляясь в излишнюю детализацию. И лишь постепенно завязываются сюжетные отношения героев, необходимые автору только для того, чтобы показать влияние на них времени. Для В. Белова главное здесь не развитие сюжетной интриги, а взаимосвязь событий во времени, выявление причин, их порождающих.

Обращение к роману В. Белова о «великом переломе» позволяет убедиться, что жанр хроники способствует беспристрастному анализу исторической ситуации: в сюжете не выдвигается на первый план одно и не скрывается другое. Можно убедиться и в том, что автором объективно раскрываются все перипетии жизни деревни: грянувшие перемены, а также ошибки, просчеты, трагедии, вызванные ими.

Следует заметить, что в «Канунах», как и во второй книге «Год великого перелома», активно используется основной сюжетный прием жанра хроники – прямая соотнесенность романских событий с реальными историческими событиями и датами.

Однако хронологическая точность, введение в повествование исторических фактов не служат средством художественного обобщения истории. Перед нами не историческая хроника. Стремительно развивающиеся политические события 20-х годов интересуют автора не сами по себе, а лишь как фактор влияния их на судьбы людей, далёких от партийных дискуссий, от борьбы правого и левого «уклонов», но втянутых в водоворот бурных событий. В. Белов показывает, как

жизнь крестьян, привыкших находить опору в простых человеческих привычках и навыках (сенокосе, строительстве, воспитании детей, отдыхе), самым прямым образом начинает зависеть от политического курса страны, от передовых статей в центральной прессе и т.д. Так исподволь вскрывается в романе трагическая закономерность в преобразовании жизни крестьянства.

Действие романа Б. Можаяева «Мужики и бабы» занимает период с 29 мая 1929 года по 20 февраля 1930 года. Выйдя за границы повествования, оно растянулось на долгие десятилетия. Сам автор даёт изображаемому времени, его главному содержанию такой анализ и такую оценку, что невольно возникают ассоциации с романом Ф. Достоевского «Бесы». Необходимо заметить, что неоднократное упоминание этого романа очень важно для всей идейной концепции можаяевской хроники.

Роман-хроника Б. Можаяева создавался не по следам событий, а спустя полвека. В это время уже появилась возможность объективно оценить события «великого перелома». Нельзя не согласиться с тем, что хроника Б. Можаяева художественно и мировоззренчески совмещает не меньше трёх эпох: время пророчеств (проблематика «Бесов»), время их реализации (1929 г.) и время постижения «будущих итогов прошедших событий» [7, 182]. Б. Можаяев, возвращаясь в далёкий 1929 год, раскрывает его важнейшие качества, когда «переломились» и время, и история, и сама жизнь. Хроника 1929 года регламентирована реальным историческим календарём. Повествование в романе-хронике «Мужики и бабы» движется по этим отрезкам реального, исторического времени.

Таким образом, обратившись к некоторым произведениям, созданным в последние десятилетия XX века, мы смогли убедиться, что жанр романа-хроники успешно развивается в прозе о коллективизации.

Литература

1. Кожин В.В. Происхождение романа. – М.: Советский писатель, 1963. – 437 с.
2. Белая Г. Перепутье // Вопросы литературы. – 1987. – № 12. – С. 75–103.
3. Добренко Е. Кризис романа // Вопросы литературы. – 1989. – № 6. – С. 3–34.
4. Машинский С. Об Аксакове и его трилогии // Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. – М.: Худ. лит., 1973. – С. 3–30.
5. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
6. Введение в литературоведение / Под ред. Г.Н. Поспелова. – М.: Высшая школа, 1976. – 422 с.
7. Сараскина Л. «Выходя из безграничной свободы...». Модель «Бесов» в романе Можаяева «Мужики и бабы» // Октябрь. – 1988. – № 7. – С. 181–189.

Summary

The specific character of the genre of prose about collectivization is analysed.

In this article on the example of B. Mozhaev and V. Belov's novels is shown that the genre of novel-chronicle is successfully developed in works, created in the last decades of the twentieth century.

Поступила в редакцию 12.01.04.